

Наталья Ивановна Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и культурологии, Новосибирск, Россия
e-mail: nmartishina@yandex.ru

Татьяна Владимировна Пермякова

Российский государственный профессионально-педагогический университет, кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии, социологии и социальной работы, Екатеринбург, Россия
e-mail: permyakova-t@yandex.ru

Рационально-критическое мышление как «фонд бытия» человека

Аннотация. В статье предложена экспликация понятия «рационально-критическое мышление», выделены ключевые навыки и установки, составляющие его. Показано, что в современных условиях рационально-критическое мышление составляет важнейший ресурс человеческого бытия, обеспечивающий как возможность достижения подлинного знания, так и защиту от социальных манипуляций. Предложена характеристика рационально-критического мышления как синтетической «эпистемической добродетели». Представлены результаты эксперимента, в котором оценивалась базовая логическая культура студенческой аудитории в качестве первичного маркера рационально-критического мышления.

Ключевые слова: рациональность, критическое мышление, логическое мышление, знание, эпистемические добродетели.

Natalya I. Martishina

Siberian Transport University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Novosibirsk, Russia
e-mail: nmartishina@yandex.ru

Tatyana V. Permyakova

Russian State Vocational Pedagogical University, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Social Studies and Social Work, Ekaterinburg, Russia
e-mail: permyakova-t@yandex.ru

Rational-Critical Thinking As the “Foundation of Being” of a Person

Abstract. The article proposes an explication of the concept of “rational-critical thinking”, distinguishes the key skills and attitudes that make it up. It is shown that in modern conditions rational-critical thinking is the most important resource of human existence, providing both the opportunity to achieve genuine knowledge and protection from social manipulation. A characteristic of rational-critical thinking as a synthetic “epistemic virtue” is proposed. The results of an experiment that assessed the basic logical culture of a student audience as a primary marker of rational-critical thinking are presented.

Keywords: rationality, critical thinking, logical thinking, knowledge, epistemic virtues.

Введение (Introduction)

Вступление человечества в фазу развития, определенную в XX в. как информационное общество, означало не только принципиальное увеличение объемов обращаемой в обществе информации и интенсивности информационных потоков, но и превращение информационного обмена в основание любых социальных процессов, а информационной среды — в пространство, в которое всё в большей степени перемещаются все формы социальных действий. В условиях, когда все виды интеллектуальной деятельности

с необходимостью включают информационную составляющую, а интеллектуальные навыки новых поколений изначально формируются при постоянном и далеко не всегда контролируемом системой обучения и воспитания обращении к информационным технологиям, начинает трансформироваться организация мышления, весь его строй. Происходящие изменения отмечаются в эмпирических наблюдениях, концептуализируясь, например, в указаниях на когнитивные особенности поколения Z (клиповое мышление, уменьшение объема памяти и др.) или на возрастающую дистанцию

между реалиями информационного общества и ожиданиями «общества знания», но систематическое понимание этих сдвигов как проявлений общего и фундаментального процесса еще далеко не достигнуто. На наш взгляд, ситуация требует не только критического осмысления обнаруживающихся новых тенденций, но и постановки вопроса о том, какие характеристики мышления обладают непреходящей ценностью, не замещаются легкодоступностью любой информации и должны целенаправленно сохраняться при любых внешних вызовах. Попыткой хотя бы частично ответить на этот вопрос и является данная статья.

Методы (Methods)

Теоретическая часть нашей статьи, по существу, — прагматически ориентированная экспликация содержания понятий рациональности и критического мышления: мы стремились представить основные идеи, образующие это содержание, в виде совокупности требований к мышлению, вытекающих из общих принципов. При этом в обоих случаях понятия взяты в широком, а не в том специальном значении, которое также присутствует в философской традиции. В частности, понятие рационального мышления используется не в качестве характеристики уровня познания, отличного от чувственного, а в контексте понимания рациональности как наличия норм и правил, организующих мышление, и парадигмы следования им (при условии, что совокупность таких правил может варьироваться в соответствии с типом рациональности, и сама рациональность может быть различной — целевой или ценностной). Поскольку в данной трактовке рациональности важную роль играет признание логики как необходимой системы правил мышления [1], специальное внимание было уделено логическим параметрам рационального мышления. Понятие «критическое мышление» также использовано не для обозначения лишь конкретного философско-педагогического подхода, основанного на идеях К. Поппера; критика рассматривается в соответствии с широкой философской традицией, где этот термин обозначает непредвзятое рассмотрение, анализ и оценку с различных сторон.

Прикладное исследование, результаты которого представлены в статье, носит иллюстративный характер и было направлено на оценку уровня логической культуры студентов, приступающих к изучению курса логики. Показателем логической культуры считался в данном случае уровень готовности к обработке информации чисто логическим путем, без привлечения дополнительных фактических сведений. Само понимание такой логической возможности, а также умение ее реализовывать рассматривались нами как одно из оснований рационально-критического мышления. В проведенном эксперименте группа выполняла, во-первых, задание по оценке предложенных рассуждений, которые делились на три типа: рассуждения, в целом правильные как по логической форме, так и по содержанию; рассуждения, в которых логическая схема была правильной, но из-за ошибочной по содержанию посылки умозаключения вывод был фактически неверным; рассуждения, в которых использовалась неправильная логическая схема (например, простой категорический силлогизм с нераспределенным

средним термином), но содержание посылок и вывода было фактически правильным. По результатам выполнения этого задания оценивалась готовность студентов к использованию логических средств мышления, с отделением их от владения фактической информацией. Во-вторых, выполнялось задание по самостоятельной формулировке вывода из предложенных посылок. Предварительно со студентами были разобраны некоторые логические схемы мышления; например, им было продемонстрировано, что рассуждение вида «Все представители множества А имеют свойство В; С принадлежит к множеству А, следовательно, С имеет свойство В» логически правильное и, напротив, схема «Все представители множества А имеют свойство В; С имеет свойство В, следовательно, С принадлежит к множеству А» не является надежной. В обоих заданиях использовались рассмотренные в первой части эксперимента схемы, наполненные новым фактическим материалом. В эксперименте приняли участие 40 студентов 1-го курса.

Литературный обзор (Literature Review)

Отправной точкой нашего исследования стал концепт «фонд бытия», введенный в философскую антропологию Г. Хенгстенбергом. В работе «К ревизии понятия человеческой природы» [2] Г. Хенгстенберг разграничивает природу человека как «фонд бытия», физические и психические ресурсы, которыми располагает человек, и личность как инстанцию, которая распоряжается этим фондом. В «фонд бытия» в трактовке Г. Хенгстенберга входят не только задатки и способности, которыми человек располагает от природы; этот фонд пополняем, и в него включаются знания, навыки и умения, осваиваемые человеком в процессе жизни. При этом за личностью остается решение о том, как распоряжаться этим фондом — например, развиваться ли в направлении деятельности, требующем конкретных имеющихся у нее способностей. На наш взгляд, рационально-критическое мышление имеет именно такой статус: это важнейший формируемый ресурс, которым располагает личность, но применение которого требует осознанного и целенаправленного решения.

Кроме того, понятие рационально-критического мышления в рассматриваемом нами аспекте может быть соотнесено с проблематикой «эпистемических добродетелей», активно разрабатываемой в настоящее время в тематическом поле социальной эпистемологии [3; 4; 5]. Эпистемические добродетели могут быть определены как личностные интеллектуальные качества, обеспечивающие в процессе познания надежность и достоверность достигаемых идей и высказываемых положений. Идея эпистемических добродетелей появилась в современной теории познания в связи с кризисом фундаментализма и осмыслением принципиальной нехватки возможностей полного обоснования знания в рамках когерентной теории, через установление соответствия суждений действительности. С одной стороны, эмпирический фундаментализм упирается в проблему «скачка индукции» и вынужденно оценивает обобщения, суждения о причинно-следственных связях и другие поднимающиеся над непосредственным описанием локальных фактов идеи как априорно менее достоверные. С другой стороны, сама

действительность в неклассической онтологии оказывается многоуровневой и далеко не всегда очевидно данной. Интеллектуальные качества человека как субъекта познания оказываются востребованными в этом контексте как дополнительное свидетельство вероятной истинности знания и одно из допустимых оснований ее признания в случае недостаточности иных оснований. Нормативность познавательной деятельности в концепции эпистемических добродетелей, таким образом, частично перемещается с методов познания на личность. В связи с этим рассматриваются такие категории, как «эпистемическая ответственность» личности и «правильный когнитивный характер» [6]; используется также, по аналогии с традиционным этическим антиподом добродетели, понятие «эпистемического порока» [7].

Принято отсчитывать историю «эпистемологии добродетелей» от статьи Э. Соса «Плот и пирамида: согласованность против основ теории познания» (опубликована также как глава 10 в [8]). На наш взгляд, в отечественной философской литературе можно выделить направление, во многом предвосхитившее идеи «эпистемологии добродетелей»; оно создано Л. А. Микешиной, сформулировавшей «принцип доверия человеку познающему». Л. А. Микешина писала о том, что «...анализ познания *должен... исходить из живой... конкретности познающего, его участного мышления и строиться на доверии ему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении заблуждений*» [9, с. 159]; она говорит также о «презумпции» устремленности субъекта к истине, справедливо замечая, что без этих предпосылок никакое концептуально-методологическое обоснование знания не может быть исчерпывающим.

Перевод обсуждения проблемы достоверности познания в тематическое пространство качеств субъекта требует нормативного описания его типа мышления. Именно это мы и хотели бы сделать, определив нормативное мышление как рационально-критическое. Следует обратить внимание на особую значимость присутствия в «фонде бытия» человека рационально-критического мышления для обеспечения надежности его знаний в условиях постоянного воздействия на него мощных и обладающих достоверностью самого высокого уровня информационных потоков.

И. Т. Касавин в обзорной статье, посвященной достигнутым на данный момент «эпистемологией добродетелей» результатам, и поддерживая саму идею данного направления, отмечает, что «... в эпистемологии добродетелей нет единства по вопросу о том, что представляют собой добродетели такого рода...» [10, с. 10] и в качестве эпистемических добродетелей рассматриваются как «развитые и адекватные когнитивные способности», так и такие черты личности, как честность, скромность, смелость, тщательность — «... все с прилагательным “интеллектуальный” или “эпистемический”» [10, с. 9–10]. Представляется, что эталон рационально-критического мышления может быть рассмотрен как синтетический, интегрирующий различные описания эпистемических добродетелей.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Рациональность рассматривалась как один из важнейших ориентиров познавательной деятельности на протяжении фактически всей истории философии, поскольку

одной из ее отправных идей было, с одной стороны, отделение объективистско-номотетического знания от религиозно-мифологического и, с другой стороны, разграничение знания и мнения; эталоном познания рациональность стала в период формирования классической науки, и шире — в эпоху становления техногенной цивилизации. В своем исходном значении рациональность — это разумность, т. е. основанность на разуме, контролируемость им и рефлексивность; рациональное в этом значении соотносится не столько с чувственным, сколько с эмоциональным и интуитивным познанием. Разум в классической философской традиции трактуется как воплощение логики, царство ее правил и способность следовать им независимо от ситуативных помех. Соответственно, в той мере, в какой разумность сохраняет свое значение в качестве ядра рациональности, способность к реализации логического мышления может рассматриваться как маркер рационально-критического мышления в целом.

Логическое мышление не сводится к набору технологий осуществления интеллектуальных операций и представляет собой прежде всего определенный способ, настройку стиля рассуждения. Оно включает прежде всего понимание природы и сущности логического вывода, его эвристических возможностей, представление о нём как движении мысли к новому знанию; умение разграничивать строгое следование мысли из посылок и предположительные, гипотетические переходы; осознание принудительной силы логического вывода как необходимости принять заключение, вытекающее из уже принятых посылок.

Эта совокупность навыков обеспечивает на первичном уровне всякую творческую познавательную деятельность и в этом смысле представляет собой важнейший ресурс, которым располагает личность. В то же время в современной культуре она не является абсолютно востребованной, проблематизируясь моментальной доступностью практически любой информации, — вместо того чтобы выводить нужную идею, человеку во многих случаях оказывается проще получить ее в готовом виде. Примером может служить ребенок, который выполняет домашнее задание по иностранному языку (по уже разобранным и в целом понятной ему теме), загружая упражнения в автоматизированную систему перевода. Возможно, мы недооцениваем меру, в которой всевозможные системы поддержки всех интеллектуальных действий, от прокладки маршрута до проверки орфографии, сокращают присутствие в нашей жизни ситуаций, в которых умение логически рассуждать становится необходимым условием эффективной деятельности и, соответственно, тренируется.

Весьма показательным оказался в этом плане результат нашего эксперимента. Студенты рассматривали логические рассуждения разных типов; если правильные и по форме, и по содержанию построения в целом были оценены аудиторией адекватно, то в более сложных случаях процент ошибок был достаточно высоким. Из студентов 65 % согласились с тем, что рассуждение «Все Смешарики — персонажи мультсериала; Копатыч — персонаж мультсериала; следовательно, он Смешарик» построено по более достоверной схеме, чем рассуждение «Все Смешарики — персонажи мультсериала; Карлсон — персонаж

мультсериала; следовательно, он Смешарик». Испытуемые не смогли, таким образом, разграничить логическое построение рассуждения и его фактическое (знакомое им) содержание, не заметили, что логическая схема в обоих случаях использована одна и та же (причем предварительно уже представленная им на ином фактическом материале), и не увидели некорректности этой схемы. При анализе правильного по форме, но неверного по содержанию рассуждения «У всех пауков по 6 ног; каракурт — паук, следовательно, у него 6 ног» (студентам было дополнительно сообщено, что на самом деле ног у каракурта 8) только один студент сразу указал, что ошибка возникла из-за неправильной по содержанию общей посылки, а логическая схема рассуждения корректна; большинство комментариев сводилось к тому, что в данном случае имеет место исключение из общего правила. Таким образом, и в этом случае можно отметить трудности с распознаванием и оценкой логической формы рассуждения и недостаточное понимание логической структуры необходимого умозаключения.

На втором этапе эксперимента студентам предлагалось самостоятельно сделать вывод из предложенных посылок. Помимо обычного спектра правильных и неправильных ответов можно отметить два примечательных момента. В качестве вывода из двух предложенных суждений 10 % студентов рекомендовали простое объединение их союзом «и» (при том, что вывод в этом случае был логически возможен). Представляется, что здесь мы имеем дело с проявлением постепенной утраты самой идеи логического вывода как того, что вытекает из посылок (а не повторяет их). Сравним эту ситуацию, например, с распространенной в учебных и научных квалификационных работах вплоть до диссертаций практикой, когда под заголовком вида «Выводы по главе 1» просто кратко воспроизводится основное содержание сказанного. Из студентов 12,5 % отказались делать вывод в тех случаях, когда материал был им незнаком, например из следующих посылок: «Всякое синтетическое суждение является трансцендентальным. Всякое трансцендентальное суждение имеет априорные основания», указав, что они ничего об этом не знают. В этом случае недостаточность навыков логической обработки информации проявилась в неготовности использовать эвристическую силу логики. Можно усмотреть прямую параллель данного решения с обнаруженным А. Р. Лурией в 1930-х гг. при исследовании мышления людей, живущих в традиционном обществе, феноменом: те сходным образом отказывались делать выводы за пределами конкретного жизненного опыта, даже при том, что вся необходимая информация им была предложена [11, с. 47–69]. В этой парадоксальной переключке обнаруженная особенность мышления предстает одним из феноменов «нового Средневековья», к которому в некоторых отношениях оказалось близким информационное общество.

Развитая в философии XX в. (прежде всего в работах М. Вебера) традиция социокультурного расширения идеи рациональности, с выделением целевой и ценностной рациональности, позволяет дополнительно акцентировать еще некоторые параметры рационально-критического мышления.

Целевая рациональность связана с оценкой избираемой цели и с выбором адекватных средств для ее достижения. Рациональным с этой точки зрения в общем случае признается действие, оправданное в плане соотношения процесса и результата. Это определение указывает на необходимость конструктивного отношения к знанию в составе рационально-критического мышления: знание рассматривается в нём как обязательное основание для деятельности. Рационально-критическое мышление в этом плане противоплагается, во-первых, всем вариантам дилетантизма; во-вторых, оно включает интенцию к доведению знания до уровня, на котором может быть реально использовано. Условно говоря, знать основные теории управления — еще не означает знать, как управлять коллективом, а уметь рассчитывать рентабельность активов — знать, как их использовать; рационально-критическое мышление предполагает, что человек это понимает и стремится сделать свое знание в том числе операциональным. Отметим, что и здесь некоторые тенденции информационного общества, если и не противодействуют указанной направленности мышления, то, во всяком случае, слабо ее поддерживают: если в распоряжении человека в любой момент может оказаться обширная информация по определенному вопросу, ему иногда даже труднее осознать, что настоящих знаний по теме у него нет. Имеет значение и скорость, с которой субъекту сегодня приходится приобретать и заменять информацию: зачастую для ее углубленного освоения, установления связей с другими идеями, самостоятельного структурирования — а всё это и есть способы превращения информации в знание — просто не хватает времени.

Ценностная рациональность, напротив, основывается на признании безусловной значимости некоторых реалий вне зависимости от их утилитарного смысла. С этой точки зрения рационально-критическое мышление связано также с ориентацией на определенные ценности, приоритетной среди которых считается ценность истины. Понимание объективного характера истины, ее несводимости к мнению, в правильности которого одному субъекту удалось убедить других, также постепенно утрачивает безусловное значение в современной культуре. В интенсивных информационных потоках мы скорее имеем дело с ситуацией, когда по любому вопросу одновременно транслируется целый ряд разноречивых и частичных суждений, ни одно из которых не является в достаточной степени авторитетным. Та же проблема возникает в обучении, где каждая новая тема предстает перед студентом в виде спектра частичных и сменяющих друг друга подходов. Далеко не очевидно, что где-то в этом спектре есть истина; наоборот, естественным становится ожидание того, что и эти подходы завтра уступят место следующим. Суждения современных студентов о том, что такое объективность вообще, крайне редко продвигаются дальше представления о том, что это мнение не одного человека, а нескольких, сумевших достичь в каком-то вопросе консенсуса.

Еще один ценностный приоритет, который, на наш взгляд, должен быть установлен в составе рационально-критического мышления и который в современном мире стал весьма проблематичным [12], — признание авторитета науки.

Рационально-критическое мышление должно, на наш взгляд, включать осознание того, что наука как специализированный, нормативный и инструментально оснащенный вид познания в целом создает более надежное и достоверное знание о мире, чем мифология или религия; готовность отказаться от научной идеи в пользу квазинаучной теории, неумение их различать вряд ли совместимо с рациональной когнитивной позицией. Активная экспансия околонучного знания в современной культуре и растущий отрыв «большой науки» от массового сознания создают вызовы и этой составляющей рационально-критического мышления.

Критическое мышление как таковое тоже определяется прежде всего через понятия разумности и рефлексивности, и в этом смысле оно не случайно рассматривается в единстве с рациональным мышлением. Его специальное содержание связано со способностью человека ставить под сомнение информацию, ее источники и идеи, включая собственные. Реализация этой способности требует таких установок, как допущение оправданности альтернативных точек зрения (в этом аспекте критическое мышление соотносится также с идеей открытой рациональности); стремление к обоснованности, готовность приводить аргументы и прислушиваться к аргументации оппонента; разумный баланс между интеллектуальной смелостью и признанием авторитетов, если для этого есть основания, и между активной защитой собственной точки зрения и допущением возможности ее скорректировать; неприятие не только необоснованных утверждений, но и бездоказательной критики; оценка информации в соотношении с тем источником, из которого она исходит, и градация источников по степени надежности. Всё это, на наш взгляд, также следует рассматривать как необходимые составляющие рационально-критического мышления. Интеллектуальной ситуацией, создающей определенное давление на формирование этих навыков, в современной культуре является, как ни странно, идеология

всеобщей толерантности. Люди, изначально воспитанные в убеждении, что по любой проблеме существуют разные мнения и ни одна позиция не более важна, чем другие, на самом деле не готовы вести настоящий критический спор: они скорее признают право каждого высказать свое суждение по ней и на этом свернут обсуждение.

Заключение (Conclusion)

Рационально-критическое мышление в современных условиях — важнейшее основание деятельности человека, действительно, один из ресурсов, составляющих его «фонд бытия». Рационально-критическое мышление обеспечивает возможность систематического и углубленного познания и соответственно — творческой профессиональной деятельности и разумной организации собственного бытия. Но, может быть, не менее важно, что оно защищает человека от манипуляционного воздействия и социального давления — структур, стремящихся к их осуществлению, в современном обществе более чем достаточно, и рационально-критическое мышление выступает средством сохранения внутренней свободы человека.

Если в индустриальном обществе формирование данного типа мышления, хотя бы до определенного уровня, во многом происходило стихийно, в процессе образования и в повседневной жизни, то в информационном обществе наряду с возрастанием его ценности возникают и процессы, могущие противодействовать его становлению. Это усиливает значение рационально-критического мышления как синтетической эпистемической добродетели: в современном мире его реализация становится сознательным выбором, требующим значительных целенаправленных усилий. Одной из задач философии в современной культуре становится в связи с этим защита значимости рационально-критического мышления не только в целерациональном, но и в ценностно-рациональном аспекте.

Библиографический список

1. Laluyev V., Lesovichenko A., Martishina N. Logical Training in the Information Society: Objectives and Structure of the Training Course // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 289 : International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Amsterdam, Atlantis Press, 2019. P. 444–448. DOI: 10.2991/csis-18.2019.90
2. Хенгстенберг Г. Э. К ревизии понятия человеческой природы // *Это человек : антол.* М. : Высшая школа, 1995. С. 211–249.
3. Altanian M., El Kassar N. Epistemic Injustice and Collective Wrongdoing: Introduction to Special Issue // *Social Epistemology*. 2021. Vol. 35, no. 2. P. 99–108. DOI: 10.1080/02691728.2020.1843199
4. Lee J. Y. Anticipatory Epistemic Injustice // *Social Epistemology*. 2021. Vol. 35, no. 6. P. 564–576. DOI: 10.1080/02691728.2021.1924306
5. Leefmann J. Social Exclusion, Epistemic Injustice, and Intellectual Self-Trust // *Social Epistemology*. 2022. Vol. 36, no. 1. P. 117–127. DOI: 10.1080/02691728.2021.2004620
6. Tholen B. How to Be a Responsible Scientist. The Virtues in Max Weber's Appeal to Scientists // *Social Epistemology*. 2021. Vol. 35, no. 3. P. 245–257. DOI: 10.1080/02691728.2020.1845849
7. Визгин В. П. Эпистемологические добродетели и пороки А. Эйнштейна // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58, № 4. С. 175–195. DOI: 10.5840/eps202158468
8. Sosa E. *Knowledge in Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 316 p.
9. Микешина Л. А. *Философия познания. Полемиические главы*. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
10. Касавин И. Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 3. С. 6–19. DOI: 10.5840/eps201956341
11. Лурья А. Р. *Этапы пройденного пути: научная автобиография*. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. 192 с.

12. Martishina N., Taskaeva E. The Value of Science As a World-View Problem in the Contemporary Culture // Sustainability of Science in a Post-COVID World / I. Sibgatullina-Denis, P. Hacker, A. Vančová, A. Kirsha (eds). Vienna : Ifll Institut für Intellektuelle Integration, 2021. P. 35–48.

References

- Altanian M., El Kassar N. (2021) Epistemic Injustice and Collective Wrongdoing: Introduction to Special Issue, *Social Epistemology*, vol. 35, no. 2, pp. 99–108, doi: 10.1080/02691728.2020.1843199 (in English)
- Hengstenberg H.-E. (1995) [Zur Revision des Begriffs der menschlichen Natur], *Ehto chelovek [This Is a Man]**. Moscow, Vysshaya shkola Publ., pp. 211–249. (in Russian)
- Kasavin I. T. (2019) Ehpistemologiya dobrodeteli: k sorokaletiyu povorota v analiticheskoi filosofii [Virtue Epistemology: On the 40th Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy], *Ehpistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]*, vol. 56, no. 3, pp. 6–19, doi: 10.5840/eps201956341 (in Russian)
- Laluyev V., Lesovichenko A., Martishina N. (2019) Logical Training in the Information Society: Objectives and Structure of the Training Course, *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 289. International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*. Amsterdam, Atlantis Press, pp. 444–448, doi: 10.2991/csis-18.2019.90 (in English)
- Lee J. Y. (2021) Anticipatory Epistemic Injustice, *Social Epistemology*, vol. 35, no. 6, pp. 564–576, doi: 10.1080/02691728.2021.1924306 (in English)
- Leefmann J. (2022) Social Exclusion, Epistemic Injustice, and Intellectual Self-Trust, *Social Epistemology*, vol. 36, no. 1, pp. 117–127, doi: 10.1080/02691728.2021.2004620 (in English)
- Luriya A. R. (2001) *Ehtapy proidennogo puti: nauchnaya avtobiografiya [Stages of the Traveled Path: A Scientific Autobiography]**. Moscow, Moscow University Press, 192 p. (in Russian)
- Martishina N., Taskaeva E. (2021) The Value of Science As a World-View Problem in the Contemporary Culture, *Sibgatullina-Denis I., Hacker P., Vančová A., Kirsha A. (eds). Sustainability of Science in a Post-COVID World*. Vienna, Ifll Institut für Intellektuelle Integration Publ., pp. 35–48. (in English)
- Mikeshina L. A. (2002) *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy [Philosophy of Knowledge. Polemical Chapters]**. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 624 p. (in Russian)
- Sosa E. (1991) *Knowledge in Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press, 316 p. (in English)
- Tholen B. (2021) How to Be a Responsible Scientist. The Virtues in Max Weber's Appeal to Scientists, *Social Epistemology*, vol. 35, no. 3, pp. 245–257, doi: 10.1080/02691728.2020.1845849 (in English)
- Vizgin V. P. (2021) Ehpistemologicheskie dobrodeteli i poroki A. Ehinshteina [Albert Einstein's Epistemic Virtues and Vices], *Ehpistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]*, vol. 58, no. 4, pp. 175–195, doi: 10.5840/eps202158468 (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.